

УДК 392.6
ББК 87.7
Б48

Published by arrangement with SCIENTIFIC AMERICAN, an imprint of FARRAR, STRAUS
AND GIROUX, LLC, NEW YORK

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Беринг, Джесси.

Б48 Я, ты, он, она и другие извращения : Об инстинктах, которых мы стыдимся / ДЖЕССИ
БЕРИНГ ; Пер. с англ. О. ван дер Путтен. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS,
2015. — 304 с.

ISBN 978-5-17-090458-7

Известно, что под одеждой все люди голые. Джесси Беринг напоминает, что все люди еще и ненормальные. Американский психолог и журналист ведет нас мимо витрин полового паноптикума, в которых отражаемся мы сами, и предлагает трезво глядеть на странности, которые делают людей разными — и такими похожими. Вероятно, лишь рассмотрев вопросы пола с научных позиций, можно разрешить некоторые вечные затруднения человечества — или хотя бы привести в порядок скелеты в наших собственных шкафах.

УДК 392.6
ББК 87.7

ISBN 978-5-17-090458-7

- © Jesse Bering, 2013
- © О. ван дер Путтен, перевод на русский язык, 2015
- © А. Казанцева, предисловие к русскому изданию, 2015
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015
- © ООО “Издательство АСТ”, 2015
Издательство CORPUS ®

Содержание

<i>Предисловие к русскому изданию. А. Казанцева</i>	7
<i>Введение</i>	15
Глава 1. Мы, извращенцы	24
Глава 2. Эти гадкие, гадкие обезьяны	58
Глава 3. Сестрица нимфа, братец сатир	92
Глава 4. Амур-психопат	124
Глава 5. Пристрастия и пристрастность	162
Глава 6. Подобающий возраст	193
Глава 7. Уроки жизни для бесстыжих развратников	239
<i>Благодарности</i>	265
<i>Примечания</i>	268
<i>Предметно-именной указатель</i>	287

Предисловие к русскому изданию

“При всем уважении к чувствам верующих идея, что человек был создан по образу и подобию Бога, может быть с уверенностью отвергнута, — так начиналась редакционная статья в одном из номеров престижного научного журнала ‘Нейчур’ за 2007 год, напечатанная в ответ на подъем креационизма в США. — И тело, и разум человека — это результат эволюции его предков-приматов. Устройство человеческого мышления свидетельствует об этом столь же отчетливо, как и характер движения конечностей, способность иммунной системы атаковать вирусы, восприятие цвета колбочками нашей сетчатки”.

Сегодня эволюционная психология на подъеме. Десятки лабораторий исследуют врожденные биологические механизмы, влияющие на наше поведение. Выявлены гены, повышающие склонность к авантюризму; гормоны, обеспечивающие щедрость и доверие к собеседнику; зоны мозга, связанные с религиозным поведением или выбором политических убеждений.

Важная область исследований, позволяющих понять, как именно в природе человека сочетаются биологические и социальные влияния — это изучение сексуального поведения *Homo sapiens*. Оно во многом необычно для животного мира: можно буквально пересчитать по пальцам виды, у которых самки проявляют интерес к спариванию не только в период ову-

ляции, но и тогда, когда зачатие невозможно. Уже этот признак указывает на то, что секс нужен человеку не только, даже не столько для размножения, сколько для поддержания и укрепления привязанности в паре. По мнению американского антрополога Оуэна Лавджоя, именно невозможность определить по внешним признакам, способна ли женщина к зачатию, стала важнейшей предпосылкой для формирования моногамных отношений, а они, в свою очередь, способствовали снижению уровня конфликтов между самцами и резкому усложнению социальной структуры общества ардипитеков — предков человека, живших примерно 4,5 миллиона лет назад.

Для понимания природы сексуальности человека важно обращать внимание не только на часто встречающиеся формы поведения (такие, как секс в рамках более или менее моногамной и более или менее одновозрастной разнополой пары), но и на менее распространенные формы реализации полового влечения, устойчиво возникающие в популяции. Сегодня проводится множество исследований гомосексуальной ориентации. Ей посвящен целый ряд научно-популярных книг (если говорить о литературе, переведенной на русский язык в последние годы, то этот вопрос затрагивает, например, голландский нейробиолог Дик Свааб в книге “Мы — это наш мозг”). Подавляющее большинство современных биологов полагает, что сексуальная ориентация закладывается до рождения человека и в очень незначительной степени подвергается влиянию среды.

Автор книги, которую вы держите в руках, психолог Джесси Беринг, также рассказывает о гомосексуальной ориентации (в том числе о проблемах с ее восприятием в обществе, которые знакомы ему, открытому гею, не понаслышке). Но, помимо этого, он решил написать о вещах, которые, кажется, практически не затрагивались прежде в научно-популярной литературе. Он приводит данные современных исследований, проливающие свет на то, как формируются самые необычные сексуальные пристрастия — от акротомофилии (влечения к людям с ампутированными конечностями) до мелиссафилии (сексуального возбуждения при виде пчел). Он также рассматривает сексуальные девиации, которые не только причиняют неудоб-

ства самому их обладателю, но и могут представлять опасность для других — такие как педофилия. Накопленные научные данные позволяют предположить, что почти любые навязчивые желания, связанные с сексуальным поведением, некорректно рассматривать как результат “осознанного выбора” и “распущенности”: они “прошиты” в мозге, и, вероятно, могут быть связаны как с детским опытом, так и с биологическими особенностями человека. Изучение странностей полового поведения необходимо, поскольку позволяет лучше понять нашу природу, избавиться от остракизма в тех случаях, когда необычные пристрастия не причиняют никому вреда, а также продумать социально приемлемые способы предотвращения вреда в тех случаях, когда таковой возможен.

Перевод книги Беринга на русский язык — это очень смелый шаг со стороны издательства *Corpus*, и я совершенно не удивлюсь, если какие-нибудь активисты, чрезмерно озабоченные чужим сексом (за неимением собственного), начнут сжигать ее на площадях. Наш социум заражен ненавистью ко всему отличающемуся. Чтобы в этом убедиться, достаточно почитать выступления некоторых политических и религиозных деятелей или, например, ознакомиться с общественной реакцией на проект “Дети-404”, который оказывает психологическую поддержку гомосексуальным подросткам. Именно поэтому популяризация научных исследований, связанных с сексуальной жизнью, сегодня играет очень важную роль. Хочется надеяться, что книги, описывающие научные исследования сексуальности, способны уменьшить количество ненависти к тем, кто от нас отличается — а ведь именно это, в конечном счете, одна из важнейших задач развития цивилизации.

АНАСТАСИЯ КАЗАНЦЕВА
*Научный журналист,
лауреат премии “Просветитель” (2014)*

*Посвящается извращенцу.
Да-да, именно тебе.*

Редко когда человек настолько жесток по отношению к человеку, как в случаях осуждения и наказания себе подобных, обвиненных в так называемых половых извращениях. Тюрьма; пытки; потеря жизни или конечности; изгнание; шантаж; всеобщее осуждение; утрата положения в обществе; отречение друзей и родных; лишение поста в учебном заведении или фирме... суровые наказания для военных; предвзятость эмоционально неустойчивых, мстительных судей; муки постоянного страха того, что о твоём ненормативном половом поведении узнают, — эти кары обрушиваются на головы тех, кто не причинил ущерб чужой собственности или физическому здоровью, а лишь не способен следовать санкционированному обычаю. С этим могут сравниться лишь гонения по расовому или религиозному признакам.

Альфред Кинси (1948)

Введение

В 1985 году Соединенные Штаты охватила паника из-за эпидемии СПИДа, жертвами которой становились в основном мужчины-гомосексуалы. Мне было десять лет. Я был незаметным и очень чувствительным мальчиком. Моя семья жила в зеленом пригороде Вашингтона, округ Колумбия, и в один прекрасный день все вдруг заговорили о “чуме, поражающей геев”. Однажды во время пикника с соседями я сидел рядом с группой мужчин, разглагольствовавших об “этом самом СПИДе”. Кажется, они и не заметили моего присутствия. Я был одним из тех детей, кто сливается с пейзажем. Мужчины чесали затылки, пили пиво и забавно изображали трансвеститов, после чего пришли к мнению, что, вероятнее всего, СПИД — это мудрый способ, придуманный Господом для избавления от педиков. (Как и большинство мужчин в моем районе, эти шутники были, если не ошибаюсь, государственными служащими.)

По телевизору я видел воинственных домохозяек и школьных физруков, выкрикивавших оскорбления в адрес тех, кто поддерживал Райана Уайта. Этот юноша, страдавший гемофилией, за несколько лет до описываемых событий заразился ВИЧ через переливание крови. В но-

востях показывали, как в маленьком городке в штате Индиана его мать-одиночка пытается прорваться через разъяренную толпу, чтобы записать сына в школу. Страшная смерть изможденного Рока Хадсона в том же году еще больше подогрела интерес к теме, а вместе с интересом появилось и множество ужасных анекдотов о “голубых” и СПИДе, которые можно было услышать и в школе, и на детских площадках. Отзвук шуток того времени можно до сих пор уловить в ханжеских усмешках теперь уже повзрослевших детей.

Внешне я был обычным мальчиком, то есть не выглядел хлюпиком. По крайней мере, с куклами я не играл. Ну, не то чтобы совсем не играл. Я обожал своего Супермена. И больше всего — раздевать его догола и забираться с ним под одеяло. (Всякий раз я ожидал найти внизу живота у него нечто иное, нежели гладкий пластик, и всякий раз меня постигало разочарование.) Но из-за шумихи насчет СПИДа мои собственные зарождающиеся желания стали для меня заметнее, чем если бы ничего особенного не происходило. Зловещий дух того времени, выражавший предельно ясно, что таким, как я, не место в мире, подтолкнул меня к осознанию собственной сексуальности. Я не понимал того, что геи мрут как мухи не потому, что они (*мы*) плохи или “омерзительны”, а потому, что они не предохраняются, из-за чего особенно уязвимы для СПИДа. Я же не был эпидемиологом. Я был пятиклассником. Я даже не знал, что такое секс.

Мне казалось, что некий сумасшедший бог убивает геев одного за другим, как говорили те мужчины на пикнике. Я решил, что мои дни сочтены, и принялся ждать, когда и у меня появятся язвы на лице, мертвенная бледность, затрудненное дыхание, а походка станет напоминать зомби, как у “ВИЧ-положительных”, которых пока-

зывали по ТВ и описывали в газетах. Однажды, стоя перед зеркалом, я задрал футболку и обнаружил неясно проступающие ребра. Это окончательно убедило меня в том, что и я чахну от непристойной болезни. На самом деле я был просто худым. Учитывая, что наша семья была совершенно нерелигиозной, найденное мной объяснение происходящего еще ярче характеризует царившее тогда в обществе едкое морализаторство.

Я не мог рассказать родителям, людям адекватным, об этом ужасе. Риск разоблачить себя был невыносим. Мои страхи усилились, когда я понял, что уже есть проверенные методы, как вывести геев на чистую воду. Из сплетен я уяснил: чтобы узнать то, что одному Богу было известно, достаточно взять кровь на анализ и выделить некую “гей-частицу”. Неумолимо близился момент, когда ученый муж строго посмотрит на свет пробирку с кровью и продемонстрирует группе притихших коллег, как в лучах солнца пляшет моя темная скрытая натура. А пока я высовывал голову из окна машины и орал своему играющему на улице брату “Пидор!”, чтобы сбить со следа тайных охотников на ведьм. Кстати, мой брат был, да и сейчас остается, самым гетеросексуальным человеком, каким только можно. Но, как всем известно, тот, кто выкрикивает оскорбления в адрес геев, сам *ни в коем случае* таковым не является.

По мере приближения ежегодного осмотра у врача моя сдержанная тревога (излишне шумный протест выдал бы меня с головой) не вызывала у родителей подозрений в чем-либо большем, чем трусость. По иронии, к тому моменту, когда я приплелся наконец в кабинет педиатра и у меня взяли кровь на анализ, месяцы волнений вылились в самую настоящую болезнь. Увидев, как в пробирке в руках медсестры плещется моя порочная кровь, я момен-

тально почувствовал тошноту от осознания неизбежности своей участи и потерял сознание, после чего меня вырвало прямо в кресле. Вообразите мое облегчение, когда доктор по рассеянности (его наверняка отвлекла суматоха с обмороком, подумал я) не обнаружил мою страшную тайну, так что ему не пришлось приносить эту невыразимую словами весть моим родителям.

Я решил поговорить с родителями лишь десять лет спустя. К тому времени они развелись. Я начал с мамы — доброй женщины с развитым чувством юмора, которое (слишком часто, к сожалению) сдерживалось ее склонностью к трагизму. Я не сомневался, что она не перестанет любить меня, хотя и знал, что она предпочитала оставаться в неведении, когда речь шла о том, что пугало ее или вызывало неловкость. Одной из таких тем был секс. Я никогда не слышал от нее ни единого неприязненного слова о гомосексуалах, но не могу припомнить и случая, чтобы она сказала о них что-то одобрительное. Гомосексуальности у нас дома не существовало. Ну, так казалось маме.

Однажды вечером на кухне я вдруг выпалил, что мне нужно ей кое-что сказать. Я сел за стол и стал нервно тереть уголки газеты. “Что? — так же нервно отозвалась она. — Джесси, в чем дело?!” Она продолжила свои настойчивые расспросы, и я наконец ответил: “Я — гей”. Я впервые произнес эту фразу вслух, и мне показалось, что у меня звенит в ушах. “Ой, да ладно, — заулыбалась она. — Ты шутишь?” “Нет, — сказал я. — Это правда. Я гей”.

Я всегда гордился своим умением обводить собеседника вокруг пальца. Заминка, упущенный факт, осмотрительно прибавленный вздох — вот лишь некоторые трюки в моем арсенале. Это обеспечивало мне безопасность все эти годы. Вы только посмотрите, мне удалось обхитрить даже эту женщину! Ведь именно в ее утробе мой мозг на-